
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 40.132

DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(1).5-17

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЗАКОНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Н.И. Сухова

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

25 ноября 2020 г.

Дата принятия в печать –

10 декабря 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Злоупотребление правом,
противодействие осуществлению
закона, правомерность, пределы
осуществления субъективного
права, правовое поведение,
способ совершения
правонарушения,
неправомерность

Предлагается контурное обобщение подходов к пониманию феномена злоупотребления правом и дается их критический анализ на основе инструментов логического, сравнительного и формально-юридического алгоритмов исследования и решения научных задач. Широко используются материалы правоприменительной практики для подтверждения промежуточных и итоговых выводов о злоупотреблении правом как неправомерном явлении правовой сферы, тесно связанным с реализацией субъективного права, выступающим способом совершения правонарушения или самостоятельным видом неправомерного деяния, играющим роль юридического факта и являющимся формой противодействия осуществлению закона. Представлен авторский взгляд на таксономию рассматриваемого феномена.

ABUSE OF LAW AS A FORM OF OPPOSITION TO THE IMPLEMENTATION OF THE LAW IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Nadezhda I. Sukhova

Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia

Article info

Received –

2020 November 25

Accepted –

2021 December 10

Available online –

2022 March 20

Keywords

Abuse of law, counteraction to the
implementation of the law, legality,
limits of the exercise of subjective
rights, legal behavior, method of
committing an offense, illegality

The subject of the article is the abuse of law as a phenomenon of legal reality, its definition, the patterns of its arising and developing in legal relations, the consequences of abuse of law established in the prescribed manner.

The purpose of the research is to confirm or refute the theoretical hypothesis about the nature, as well as of the role and the functional load of abuse of law, to obtain the conformation of the theoretical judgment of praxeological nature and the conclusions.

Methodology. In achieving the purpose and the corresponding research tasks the dialectical method's instruments were used, which made it possible to establish the relationships between the formally expressed normative uncertainties and the difficulties of their practical implementation, to find structural and functional conclusions in legal behavior and its consequences. The opportunities provided by comparative legal, formal legal, historical and legal methods of the cognition were widely used.

The main results and the scope. The analysis of the given problems showed that despite of the prevalence in relations regulated by various law branches and the frequent reference to it among scholars, it was not possible to develop the unanimous approach to understanding of the abuse of law. This is partly due to the two main factors: (a) the uncertainty and evaluativeness of this phenomenon; (b) the desire to develop a unique interpretation of the right's abuse by an individual researcher.

Thus, the unique and extraordinary options of understanding of abuse of law have been developed. Often they do not correspond to the practice of its application and not fit the legal science system's categories and its knowledge.

The current situation leads to the confusion in the research and ideas blurring of established legal constructions. In addition, theoretical knowledge that has no outlet to practice loses their importance and does not contribute the simplification of practical activities to implementing the law.

The main conclusions of the research are expressed in the provisions that the abuse of law plays the role of legal fact, associated with the onset of harmful consequences or the threat of their occurrence. It demonstrates the desire of the abuser to obtain benefits of different nature by leveling legal requirements, in their complex misconduct. The abuse of law either acts as a way of committing an offense and constitutes the objective side of the act, or has an independent meaning, causes the application of legal responsibility, if it acts as a method of committing an offense, and measures of legal protection, if it has an independent meaning, the legal structure of law abuse does not include a duty and looks like this: *subjective law – the exercise of subjective right – the limits of the exercise of subjective right – illegal act – the onset of harmful consequences or the threat of their occurrence – measures of responsibility or protection measures.*

1. Постановка проблемы

Злоупотребление правом – явление, распространенное как в сфере предметов научного изучения, так и в сфере практического применения норм, формализующих номинируемый феномен. Однако обе сферы его широкого присутствия не восполняют вакуум, сложившийся из-за отсутствия четкого представления о злоупотреблении правом, его природе, формах и последствиях.

Заимствованные отечественной юриспруденцией конструкции римского права, представленные в нем в общих контурах и не доведенные до высокой степени научного обобщения, не вызывающие, видимо, затруднений у юристов времен Юстиниана, Гая, Ульпиана, в том числе и злоупотребление правом, привнесли в отечественную правовую науку и практику немало дискуссий и споров, прежде всего среди представителей цивилистики [1–7], но ею не ограничившись. Есть основания констатировать, что злоупотребление правом получило межотраслевой статус, выступает элементом фактического содержания отношений, регулируемых различными отраслями права: конституционным [8; 9], уголовно-про-

цессуальным [10–13], гражданским процессуальным [14–16], налоговым [17–19] и др.

Сегодня в отношении понимания злоупотребления правом в науке сформировалось несколько позиций – от признания его особым видом правового поведения до включения в ряд правонарушений. Между этими противоположными подходами расположились весьма оригинальные, например, выводящие его за пределы права и не признающие связи злоупотребления правом с субъективным правом. При этом явно, иногда меньше, иногда больше, отсутствие связи теоретических гипотез и данных юридической практики.

2. Теоретико-праксеологическое исследование феномена «злоупотребление правом». Соотношение теоретических конструкций и алгоритмов юридической практики

Проведенный анализ имеющихся подходов к трактовке злоупотребления правом, судебной практики¹, в которой злоупотребление становилось самостоятельным предметом рассмотрения или сопровождало процесс рассмотрения дела, дал возможность не только критически оценить их, выявить не

¹ См., напр., постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (Бюллетень ВС РФ. 2016. № 5), от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением

дела» (Бюллетень ВС РФ. 2016. № 4), от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (Бюллетень ВС РФ. 2005. № 4), от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (Бюллетень ВС РФ. 2012. № 9).

вполне аргументированные аспекты, но и сформировать свое видение данной проблемы.

2.1. О правовой природе злоупотребления правом

Не можем не отреагировать на высказывание об исключенности злоупотребления правом из правовой сферы и несвязанности его с осуществлением субъективного права, вынесением за рамки права. Считаем, что такое представление не соответствует практике нормативной регламентации отношений, сопряженных со злоупотреблением правом, а также практике его оценки и квалификации в ходе реализации правовых предписаний.

Явления, отраженные в позитивном праве, приобретают правовую природу. Законодатель выражает свое отношение к имеющим, по его мнению, юридическое значение и подлежащим правовой регламентации фактам, объектам, поведению. Это могут быть как позитивные, так и негативные ситуации и обстоятельства, но влияющие на развитие общественных отношений, на состояние порядка и безопасности. Злоупотребление правом – элемент правовой действительности, способный проявлять себя в нескольких ее срезах: влиять на развитие конкретного правоотношения, стать правообразующим и порожающим фактом, влиять на безопасность прав и интересов субъектов правоотношений, указывать на уровень правосознания и правовой культуры общества и др., – не просто связывает рассматриваемый феномен с правовыми по своей природе явлениями, но и имеет такую же природу, а его значение для общего правопорядка заставляет правотворческого субъекта отражать конструкцию злоупотребления правом в действующем законодательстве.

Помимо правотворческого отражения злоупотребления правом юридическая практика также подтверждает его правовую природу, подчеркивая ее в руководящих разъяснениях, актах толкования и обобщения судебной практики. При этом в названных актах обозначается роль злоупотребления правом как для участников спорного правоотношения, так и для рассматривающего его суда, для которого оно выступает обстоятельством, подлежащим доказыванию, а отношение к нему со стороны органа правосудия предопределяет движение дела в этой и других инстанциях. Игнорирование судом в ходе судебного разбирательства заявления одной из сторон

о злоупотреблении правом со стороны контрагента является основанием для направления дела на новое рассмотрение. Так, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа постановлением от 22 сентября 2017 г. отменил решение и постановление апелляционного суда от 12 мая 2017 г. в связи с нерассмотрением имеющих значение для правильного разрешения спора вопросов о наличии в действиях одной из спорящих сторон признаков злоупотребления правом при предъявлении спорного требования о платеже по банковской гарантии и снижении размера неустойки и направил дело на новое рассмотрение².

Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 22 января 2015 г. дело было направлено для рассмотрения по подсудности, так как истец злоупотребил процессуальными правами и искусственно изменил подсудность, определенную им по месту нахождения одного из ответчиков, в то время как у него отсутствовали связанные между собой основания возникновения требований и доказательств, которые были представлены по делу³.

Эти примеры подтверждают, что злоупотребление правом имеет в них значение юридического факта, который, как известно, обладает правовой природой и находится в ряду правовых явлений. При этом совсем неважно, о правомерном или противоправном факте идет речь. Все они включены в сферу правовой регламентации общественных отношений.

2.2. О характере злоупотребления правом

Логическим продолжением первого умозаключения должны быть рассуждения о характере только что отнесенного к правовой сфере злоупотребления правом, а именно поиск ответа на вопрос о его правомерности и противоправности. Свое несогласие с позицией о том, что злоупотребление правом представляет собой особый вид правового поведения, не правомерного и не противоправного, мы выразили. Однако не вызывает поддержки и предложение различать противоправное и правомерное злоупотребление правом [20, с. 13].

В качестве отправного тезиса своего несогласия предложим злоупотребление правом как феномен правовой сферы, выражающийся в совершении участниками правовых отношений актов поведения, не согласующихся с актуальным пониманием правомерного исходя из смысла права или назначения субъективного права.

² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 сентября 2017 г. № Ф04-3116/17 по делу № А75-9965/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 января 2015 г. № С01-1255/2014 по делу № А40-178115/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Регулирование общественных связей состоит в установлении дозволенного и допустимого поведения и недозволенного, нежелательного поведения, прибегая к использованию определенного сочетания прав и обязанностей. Законодатель, формируя нормативную конструкцию правоотношения, устанавливает с разной степенью конкретности схемы реализации субъективного права и юридической обязанности. Параллельно с этим прописываются схемы, которые не соответствуют ни конструкции правоотношения, ни субъективному праву, ни позитивному праву. Среди последних значится и злоупотребление правом.

Было бы совершенно непонятно и подрывало бы авторитет правотворца, если бы он однозначно определил такой правомерный путь осуществления права, который в одном случае соответствовал бы правовым идеалам и требованиям, а в другом – не соответствовал бы им. В затруднительной ситуации оказался бы и правоприменитель, который всякий раз должен был не только отвечать на вопрос о наличии злоупотребления правом, но и определять его характер. Всё это выглядело бы так: злоупотребление правом есть – есть последствия, злоупотребление правом есть – нет последствий.

Признание за злоупотреблением правом возможности быть правомерным и противоправным выглядит вредно и ложно. Вредно, потому что запутывает и без того непростую ситуацию квалификации злоупотребления правом на практике в условиях множества вокруг него оценочных критериев, неопределенности пределов субъективных прав, отсутствия единообразной практики рассмотрения дел, связанных со злоупотреблением правом.

Подтверждений ложности обладания злоупотреблением правом правомерного характера найти несложно. С разной степенью абстрактности и кон-

кретности во многих отраслях права и законодательства имеется формально выраженная позиция законодателя к злоупотреблению правом как вредному, влекущему отрицательные последствия поведению.

Так, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ закрепляет общие принципы реализации прав граждан способами, не допускающими злоупотребление правами, ведущее к нарушению прав, свобод и интересов других лиц. Это конституционное положение находит продолжение в отраслевом законодательстве.

Классическим примером выступает, конечно же, ст. 10 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ⁴, направленная на реализацию закрепленного в ст. 17 Конституции РФ принципа реализации прав, о чем Конституционный Суд РФ неоднократно указывал в своих решениях⁵.

Однако кроме «экономической конституции» России подобные положения содержатся в других законах. Часть 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ⁶ содержит конструкцию права ребенка на защиту, которая предполагает поводы и порядок осуществления этого права, включая злоупотребление родителями правами. При этом в ст. 69 данного кодекса указывается на конкретное отношение законодателя к злоупотреблению родительскими правами как к одному из оснований лишения родителей прав.

Содержание ст. 244.22 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ⁷ также является свидетельством негативной оценки злоупотребления правом. В ней предусмотрено право суда наложить судебный штраф на лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, в случае злоупотребления им своими процессуальными правами или в случае невыполнения им своих процессуальных обязанностей.

Осуществление процессуальных прав лицами, участвующими в деле, в рамках судопроизводства, регламентируемого Арбитражным процессуальным

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., напр., определения Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кудрявцева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации», от 29 сентября 2015 г. № 2056-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Сидоренко Александра Александровича, Сидоренко Ирины Анатольевны и Цветковой Галины Владиславовны на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 10, статьей 834 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статьей

2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», от 30 июня 2020 г. № 1499-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назарова Олега Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» (СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16; 2020. № 6. Ст. 589.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532; 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5004.

кодексом РФ⁸, должно быть подчинено принципам добросовестности. Злоупотребление процессуальными правами указанными лицами влечет для них предусмотренные настоящим кодексом неблагоприятные последствия, в частности возложение всех судебных расходов по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей (ст. 110, 111), отказ в удовлетворении заявления или ходатайства (ст. 159), наложение штрафа (ст. 225.10-1). При этом лингвистический анализ приведенных статей указанного кодекса дает основания однозначно утверждать, что злоупотребление правом, неправомерное поведение участвующих в деле лиц, в частности сторон, влечет или способно повлечь вредные последствия как для интересов другой стороны, так и правосудия в целом, а именно срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта.

Аналогичный подход к регулированию злоупотребления правом содержится в Кодексе административного судопроизводства РФ⁹, в ст. 45 которого сказано, что недобросовестное заявление неосновательного административного иска, противодействие, в том числе систематическое, лиц, участвующих в деле, правильному и своевременному рассмотрению и разрешению административного дела, а также злоупотребление процессуальными правами в иных формах влечет за собой наступление для этих лиц негативных последствий.

Приведенный неисчерпывающий перечень нормативных правовых актов подтверждает наш тезис о злоупотреблении правом как противном смыслу и предназначению права явлении, отношении к злоупотреблению правом на международном уровне выражено в конвенциональных актах, о чем сказано ранее, и имеет отрицательные значения.

Выраженная в действующем законодательстве позиция к злоупотреблению правом, наверное, не могла быть иной в силу преемственности и использования конструкций, аксиом и достижений римского права. Древнеримскими юристами был сформулирован принцип *qui jure suoutitur, neminem laedit* (кто правильно пользуется своим правом, тот никого не может обидеть). Дигестами Юстиниана устанавливались границы жестокости хозяев в отношении рабов по формуле «никто не должен злоупотреблять предоставленным правом»¹⁰. Кроме того, в названном памятнике римского права титул III книги IV посвящен злему умыслу, в котором дается определение ему, проводится разграничение с добрым умыслом, описываются его признаки¹¹. Злой умысел в римском праве – поведение, которое не соответствует праву как воплощению справедливости и правды, направлено против него и во зло другим лицам. В таком понимании злого умысла просматривается современная трактовка злоупотребления правом. Отметим, что поведение во зло в римской юриспруденции не оценивалось правомерным. Для римского юриста представить злоупотребление правом правомерным было бы затруднительно. Злой умысел и действия во зло детализировались в римском праве в известных принципах и аксиомах, которые и в настоящее время используются в практике юрисдикционных органов. Так, Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 19 декабря 2017 г. по делу «Лопеш де Соуза Фернандеш (*Lopes de Sousa Fernandes*) против Португалии» активно использует аксиому *bonus pater familias*, означающую старательность, предусмотрительность, разумность человека как участника правоотношений и носителя субъективных прав и юридических обязанностей¹².

Да и в русском языке глаголом «злоупотреблять» обозначаются совершенно не социально полезные или индифферентные с точки зрения социальных норм действия¹³.

⁸ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012; 2020. № 24. Ст. 3745.

⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 11 августа 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391; 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5003.

¹⁰ Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институты Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. С. 159, 166, 172.

¹¹ Дигесты Юстиниана. Т. 1. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. С. 82–88, 432–452.

¹² См.: Постановление ЕСПЧ от 19 декабря 2017 г. «Дело Лопеш де Соуза Фернандеш (*Lopes de Sousa Fernandes*) против Португалии» (жалоба № 56080/13) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2018. № 6 (18). Спец. вып.: Экстерриториальная юрисдикция: в поиске решений.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А–З. С. 685.

Работа над текстом и структурой ГК РФ в условиях изменившихся кардинальным образом общественных отношений, их экономического базиса, типа правового регулирования была сопряжена с изучением и оценкой полезности не столько отечественного опыта правового регулирования, сколько с определением возможности использования зарубежной практики. Представляется, что злоупотребление правом и варианты его формализации в иностранном законодательстве, по крайней мере стран континентальной правовой семьи, также подвергались изучению.

В некоторой зарубежной литературе отмечается, что после римского права конструкция злоупотребления правом получила свое развитие во второй половине XIX в. и связана с распространением концепции законного интереса, ставшей по известным причинам критерием правомерного и добросовестного поведения, например в юридическом споре. Эта конструкция предусматривала запрет на осуществление субъективных прав путем предъявления разнообразных гражданских исков с целью причинить этим вред другим лицам [21, р. 236–237].

Кроме того, применение конструкции «злоупотребление правом», например, в германской судебной практике придавало «гибкость нормам договорного права, изначально пропитанного духом махрового индивидуализма» [22, с. 231], в то время как само Германское гражданское уложение стремилось к установлению правовой стабильности в отношениях, предсказуемости решений судей и ограничению судейского усмотрения.

В зарубежной научной и практической сферах отношение к злоупотреблению правом зависит от особенностей правовой системы. Так, практически во всех кодифицированных актах гражданского права стран континентальной правовой системы послевоенного времени имеются нормативные положения, указывающие на невозможность осуществления права в ущерб другим лицам или общественным интересам. Например, ГК Испании в ст. 7 закрепляет принцип добросовестности осуществления права, а также содержит негативную оценку злоупотребления в нарушение прав или их антисоциального осуществления: «Любое действие или бездействие, которое по умыслу, цели или обстоятельствам, при которых оно совершается, явно выходит

за пределы обычных пределов осуществления права с ущербом для третьей стороны, влечет за собой соответствующую компенсацию и судебные или административные меры, препятствующие продолжению злоупотреблений»¹⁴.

Одним из первых разделов главы Гражданского уложения Германии «Осуществление прав, самозащита, самопомощь» не допускается осуществление права только с целью причинения вреда другому лицу (§ 226)¹⁵. Однако анализ текста указанного акта и практики его применения немецкими учеными показывает, что он запрещает не злоупотребление правом вообще, а только «шикану» – исключительное намерение причинить вред при осуществлении права, которое также сложно доказать, как и безуспешно запретить [23, с. 12].

В странах общего права феномен злоупотребления правом складывался прежде всего в рамках прецедентной деятельности, причем весьма противоречиво. Так, лорд Холсбери, участвуя в деле 1895 г. «Мэр Брэдфорда против Пиклза», заявил о законности действий в осуществление права, несмотря на дефекты мотивов и намерений управомоченного лица [24, р. 396].

В настоящее время практика применения злоупотребления правом в прецедентной системе демонстрирует изменение отношения к нему. Английские статуты, получающие авторитет в судебных решениях, реже закрепляют ничем не ограниченные и широкие права. Когда же это всё же случается, судьи должны заявить, что законодательный орган не только провозгласил право, но в то же время и ограничил его. Как правило, наличие злоупотребления правом, требующее его ограничения, определяется соотношением смысла права, добросовестности его осуществления и злонамеренности его носителя. Более того, отмечается, что злоупотребление правами имеет ограниченную полезность там, где сами права были сформулированы в точных или оговоренных пределах [24, р. 396].

Система общего права показывает, что доктрина злоупотребления правом развилась в основном со ссылкой на прецедент, не была систематизирована ранее и не может признаваться таковой в настоящее время в условиях наличия кодифицированных законов, поскольку последние, как правило,

¹⁴ Código Civil español. URL: <https://www.notariasyregistros.com/NORMAS/codigo-civil-tp.htm#a7> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁵ См.: URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf> (дата обращения: 10.10.2020).

очень мягкие и не имеют смысла без ссылки на прецедентное право¹⁶.

Не подтверждается правомерный характер злоупотребления правом и правоприменительной практикой, в частности судебной. Органы правосудия всех подсистем последовательно за Конституционным Судом РФ в своих решениях проводят позицию о вредности и недопустимости злоупотребления правом, необходимости реагировать на каждое заявление о нем и обеспечивать наступление последствий в случаях подтверждения фактов поведения лиц, злоупотребляющих своими правами. Стоит отметить, что в силу разнообразия споров и категорий дел, подлежащих рассмотрению в судебных органах, результаты практики показывают вариативность изучаемого явления – от злоупотребления правом в правоотношениях до поступления дела в суд (материальное злоупотребление) и до злоупотребления процессуальными правами в ходе рассмотрения дела в суде. В литературе выделяют такие группы злоупотреблений правами, как злоупотребление судебной процедурой, позволяющее лицу получить какие-либо выгоды или имущество¹⁷ (например, недопустимо сокрытие работником временной нетрудоспособности на время его увольнения с работы либо того обстоятельства, что он является членом профессионального союзного органа, когда решение вопроса об увольнении должно производиться с соблюдением процедуры учета мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации либо с предварительного согласия вышестоящего выборного профсоюзного органа соответственно); злоупотребление отдельными процессуальными правами¹⁸.

Изучение судебных актов показывает, что судебные органы под злоупотреблением правом чаще всего понимают умышленное поведение управомоченного лица, сопряженное с нарушением установленных пределов осуществления гражданских прав, причиняющее вред третьим лицам или создающее

условия для наступления вреда. В этом определении есть несколько признаков злоупотребления правом, а именно: определенное поведение лица, осуществление поведения управомоченным лицом, нарушение поведением управомоченного лица пределов осуществления гражданских прав, причинение поведением вреда или создание условий наступления вреда.

Как видим, приведенная позиция соответствует предложенной В.П. Грибановом концепции злоупотребления правом как нарушения пределов осуществления субъективного права [4], которая выглядит наиболее логично по сравнению с другими и вписывается в общую теорию субъективного права и его осуществления.

Однако есть и еще более широкое понимание злоупотребления правом, которое также выражено в актах судебных органов и которое мы не можем не привести, во-первых, потому что будем не объективными, зная и умалчивая, во-вторых, потому что она будет упомянута нами далее и подвергнута критике.

Итак, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ предлагает понимать злоупотребление правом как осуществление субъективного права в противоречии с его назначением, когда субъект поступает вопреки правовой норме, предоставляющей ему соответствующее право; не соотносит свое поведение с интересами общества и государства; не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность¹⁹. В данном случае нет указания на умышленность поведения управомоченного лица, зато расширяется возможность причинения вреда и способы выражения злоупотребления правом через неисполнение корреспондирующей праву обязанности.

Очень похожее решение с точки зрения последствий злоупотребления правом сформулировал Верховный суд Японии в деле 1972 г. «Митакура против Судзуки», введя элемент разумности в отношении злоупотребления правами, которая определялась через обращение к социальным интересам.

¹⁶ Reid EI. The doctrine of Abuse of rights: Perspective from a Mixed Jurisdiction // *Electronic Journal of Comparative Law*. 2004. Vol. 8.3. URL: <http://www.ejcl.org/83/abs83-2.html>.

¹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 24 ноября 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВАС РФ от 13 декабря 2013 г. № ВАС-18334/13 по делу № А40-138084/12-76-1244 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (в ред. от 29 ноября 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 22 мая 2015 г. по делу № 306-ЭС15-1364, А55-12366/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс».

Право должно осуществляться таким образом, чтобы его результат оставался в пределах объема, признанного разумным в свете преобладающего общественного сознания. Когда поведение управомоченного лица не демонстрирует разумности, когда косвенный ущерб превышает предел, обычно предполагаемый в общественной жизни, то можно констатировать, что осуществление права выходит за допустимые рамки [24, р. 393].

Как бы то ни было, представляется, что в российском законодательстве, науке и практике вопрос о характере злоупотребления правом решен однозначно – это не соответствующее праву, назначению субъективного права, причиняющее вред или способное причинить вред негативное поведение управомоченного лица. Никаких указаний и намеков на то, что это может быть правомерное злоупотребление, о котором дискутируют в научных публикациях, в обобщении результатов судебной практики нет.

Если заявление о злоупотреблении правом не нашло своего подтверждения в судебном разбирательстве, если заявившая о нем сторона не смогла доказать его как юридический факт, на который ссылается и от которого зависит промежуточное или окончательное решение по делу, то оснований вести речь о злоупотреблении нет вообще. При этом не исключается какое-то другое, не имеющее правовой характер злоупотребление, например хорошее отношение контрагента или другое, указывающее на поведение во зло нравственности. Такое злоупотребление правом часто носит характер нарушения норм нравственности, однако находится в околоравовой плоскости, нравственной, моральной, и не имеет отношения к правовой сфере.

2.3. О неправомерности злоупотребления правом

Мы намеренно не называли злоупотребление правом при обосновании несогласия с его правомерной формой противоправным поведением. Думаем, что вопрос об отнесении его к категории правового поведения противоправной направленности не вызывает сомнений. Однако продолжая мысль о правомерности и неправомерности, полагаем, что применительно к рассматриваемому явлению правильнее использовать категорию «неправомерность», нежели категорию «противоправность», и вот почему.

Противоправность как характеристика поведения субъектов, чьи интересы и потребности формируются и удовлетворяются в сфере права, чаще всего применяется в качестве одного из свойств правонарушения. При этом указывается, что поведением

того или иного лица нарушена правовая норма и, как следствие, к нему должны быть применены меры юридической ответственности. Однако современная правовая действительность, включающая и поведение субъектов, настолько сложна, что однозначно, однолинейно и просто относиться к ее элементам не всегда удается, да и не следует. В структуре правового поведения выделяется такой тип, который нельзя однозначно отнести к классическому правонарушению и, соответственно, применить меры ответственности. В отношении поведения, о котором идет речь, никогда нельзя с уверенностью утверждать, что оно повлечет наступление неблагоприятных юридических последствий для контрагентов или интересов третьих лиц, нарушит устоявшийся порядок в регулируемой сфере, умалит сложившиеся правовые ценности и т. д. Оно может лишь создать угрозу наступления таких последствий. Поэтому право иначе реагирует на такое поведение и запускает иные механизмы предотвращения рисков наступления реальных последствий, состоящие из мер защиты. Наиболее глубоко, последовательно и полно такой тип поведения и механизм защиты от него изучен в рамках гражданского права, однако имеющиеся наработки, несомненно, полезны и подлежат обобщению и использованию на общетеоретическом уровне.

Кроме того, злоупотребление правом вызывается не только нарушением конкретной нормы права, но и общих принципов и запретов, в первую очередь добросовестности, добропорядочности и запрета злоупотреблять своими правами. Если нарушена конкретная норма, предусматривающая наступление определенных вредных последствий, то это одна ситуация, а если нарушен принцип добросовестности, то в каждом конкретном случае ситуация может вызывать разные последствия, причем не всегда предусмотренные нормой права, а сформулированные очень абстрактно и в общих юридико-языковых формулировках. Тогда мы получаем два случая: правонарушение, которое характеризуется противоправностью; неправомерное поведение, влекущее или способное повлечь наступление вредных последствий.

Изложенное позволяет утверждать, что злоупотребление правом – форма неправомерного поведения, неправомерного противодействия осуществлению закона, влекущее наступление вредных последствий или создающее угрозу их наступления, связанное со стремлением злоупотребляющего субъекта получить для себя выгоды различного характера путем нивелирования правовых требований, требую-

шее применение мер ответственности или мер защиты. Последнее в представленном умозаключении может вызвать критику, поскольку сводит злоупотребление правом одновременно к правонарушению и иному неправомерному поведению. Однако это не противоречие, а еще один аргумент, доказывающий нашу позицию о неправомерности злоупотребления правом, хотя и требующий пояснения.

Практика рассмотрения дел, в которых присутствует факт злоупотребления правом, указывает на то интересное обстоятельство, что суды по-разному квалифицируют и оценивают его²⁰. Злоупотребление правом влечет применение мер ответственности или мер защиты. Поиск объяснения этой ситуации и анализ судебных дел привел нас к следующему выводу. В случае, когда реализуется юридическая ответственность, злоупотребление правом выступает в качестве составляющей способа совершения правонарушения, т. е. оно выступает частью объективной стороны правонарушения, а потому следует юридическая ответственность. В случаях же, когда злоупотребление правом выступает в качестве самостоятельного юридического факта, связанного с нарушением, скажем, принципа добросовестности, следует применение мер защиты. Оба случая основаны на действующем законодательстве.

Например, ч. 3 ст. 79 ГПК РФ при уклонении стороны от участия в экспертизе, если по обстоятельствам дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым, т. е. применить меры защитного характера. Вместе с тем недобросовестные процессуальные действия, направленные на уклонение от участия в проведении экспертизы, выступают противодействием осуществлению правосудия и могут повлечь последствия в виде мер ответственности.

Думается, что приведенная позиция поможет преодолеть кажущееся методологической ошибкой мнение по вопросу нерешенности противоправности процессуальных действий, когда обсуждается осуществление лицом своих прав, противоправность такого осуществления и отсутствие применения санкций в случае такого противоправного поведения [25, с. 223]. Надо понимать, что не всякая неправо-

мерность влечет наступление юридической ответственности.

Кроме того, следует заметить, что, исходя из содержания Информационного письма Высшего Арбитражного Суда, злоупотребление правом носит вторичный характер по отношению к конкретному правонарушению²¹. Например, если ответчик, ранее выступающий в спорном материальном отношении подрядчиком, принял работы от исполнителя (истца), но не оплатил их, заявляя в суде о том, что договор является незаключенным, действовал исключительно с целью добиться освобождения от обязанности оплатить выполненные для него работы, а также от применения мер ответственности вследствие несвоевременного исполнения обязанности по оплате, то по смыслу ст. 10 ГК РФ это является злоупотреблением правом.

Признав применение судом апелляционной инстанции ст. 10 ГК РФ необоснованным, суд кассационной инстанции указал, что, поскольку стороны не согласовали условия о начальном и конечном сроках выполнения работ, договор подряда не является заключенным. Вместе с тем ответчик, приняв выполненные истцом работы в отсутствие между ними договорных отношений, неосновательно сберег за его счет денежные средства в размере стоимости выполненных работ. Поэтому обязан возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение). На сумму неосновательного денежного обогащения подлежат начислению проценты за пользование чужими денежными средствами.

2.4. О злоупотреблении правом как о нарушении обязанностей

Недостаточно аргументированной, хотя в определенной степени привлекательной выглядит позиция об объяснении злоупотребления правом через нарушение обязанностей. Она выражена и в научных публикациях, и в некоторых актах судебных органов, упоминавшихся ранее. Такой взгляд не вредит ни системе знаний, ни практической стороне юриспруденции, однако не вызывает поддержки из-за определенной доли запутанности и допускаемой, думается, подмены одного явления другим.

Причина этого видится в восприятии общеправовых и отраслевых принципов через связь с обязанностью. Например, добросовестность понимается

²⁰ См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения ар-

битражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.

²¹ См.: Там же.

как обязанность субъекта, вступающего в правоотношения, проявлять должную заботливость о правах и интересах других участников гражданского оборота [26, с. 20], добросовестно исполнять обязанность должника в обязательстве, вести себя добросовестно при осуществлении субъективного права [27, с. 125], хотя сам этот принцип по причине оценочности может внести некоторую неопределенность в правоотношения [28]. Вот нарушение, в частности, обозначенной обязанности и вызывает злоупотребление правом. Однако и другие принципы (уважения прав и свобод, разумности, верховенства закона, гласности и т. д.) содержат в себе элементы обязательности и запретности. Вместе с тем при допускаемых нарушениях мало кто вспоминает их. Иная ситуация со злоупотреблением правом, которое представлено и нарушением пределов осуществления права, и нарушением обязанности, что не вызывает поддержки. Как правило, нарушение обязанностей и запретов свидетельствует о наличии правонарушения, за которым следует наступление юридической ответственности, что не всегда случается со злоупотреблением правом, как было показано выше.

Более того, юридическая конструкция злоупотребления правом представлена элементами, среди которых нет и не должно быть обязанности, кроме обязанности контрагента, поскольку речь идет о реализации права. Эта конструкция видится нам так: *субъективное право – осуществление субъективного права – пределы осуществления субъективного права – неправомерное деяние – наступление вредных последствий или угроза их наступления – меры ответственности или меры защиты.*

Процесс реализации обязанности выражен другой конструкцией. Применительно к злоупотреблению правом найти место обязанности можно только при обосновании пределов осуществления права, которые определяются, в том числе, общими принципами и запретами, но не более.

Рассматривать нарушение обязанности как основание признания неправомерного поведения злоупотреблением правом, наверное, допустимо, только имея в виду право в целом, в том числе и международное право, когда речь идет об использовании, например, различных процедурных требований в угоду одному или группе субъектов международного права, но во вред другим. В данном случае, право выступает в качестве объекта посягательства и надругательства над ним как над объектом общей культуры, непризнания его в качестве регулятора отношений и средства справедливости и других общепризнанных благ.

3. Выводы

Сказанное позволяет сформулировать несколько тезисов резюмирующего свойства в аспекте поставленной цели данного исследования:

– злоупотребление правом – неправомерная форма противодействия осуществлению закона, предполагающая наступление вредных последствий или угрозу их наступления, связанная со стремлением злоупотребляющего субъекта получить выгоды различного характера путем нивелирования правовых требований;

– злоупотребление правом в правоприменительном процессе играет роль юридического факта, который в силу действия общей презумпции нужно доказать лицу, утверждающему о злоупотреблении правом со стороны своего контрагента;

– в структуре сложного неправомерного поведения злоупотребление правом либо выступает способом совершения правонарушения и составляет объективную сторону деяния, либо имеет самостоятельное значение;

– злоупотребление правом может вызвать применение мер юридической ответственности, если выступает способом совершения правонарушения, и мер юридической защиты, если имеет самостоятельное значение;

– юридическая конструкция злоупотребления правом не включает обязанности, нарушение которой порождает злоупотребление правом;

– злоупотребление правом может быть выражено как в активной, так и в пассивной форме поведения, что объясняется особенностями способов реализации управомочивающего предписания и субъективного права;

– злоупотребление правом многолико, и его таксономия может выглядеть так:

а) по форме осуществления субъективного права злоупотребление правом может совершаться в активной или пассивной форме;

б) по характеру права, осуществляемого с нарушением пределов, можно выделить злоупотребление материальными правами или процессуальными правами;

в) по времени возникновения факта злоупотребления правом этот феномен может быть доюрисдикционным или юрисдикционным;

г) по месту в структуре неправомерного поведения злоупотребление правом может быть имеющим самостоятельное значение или быть составной частью объективной стороны правонарушения;

д) по последствиям, вызываемым фактом злоупотребления правом, оно может вызвать меры юридической ответственности или меры юридической защиты.

Проведенный анализ теоретических разработок по вопросу злоупотребления правом и складывающейся практики его правовой оценки и квалифика-

ции при разрешении реальных ситуаций, думается, позволит сформировать на уровне правотворческой деятельности четкие критерии и действенные средства предупреждения и реагирования на этот феномен, а на уровне правореализационной деятельности – эффективную тактику по его нейтрализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М. М. Агарков // Известия АН СССР. Отдел экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 424–436.
2. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Волков. – М., 2010. – 53 с.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2000. – 411 с.
4. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 284 с.
5. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Д. Радченко. – М., 2008. – 29 с.
6. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. – 719 с.
7. Чеговадзе Л. А. Злоупотребление правом как форма гражданского правонарушения / Л. А. Чеговадзе // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 8–11.
8. Шарнина Л. А. Злоупотребление конституционными правами и злоупотребление полномочиями: общее и особенное / Л. А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 12. – С. 9–15.
9. Кучеренко О. С. Противодействие злоупотреблениям при предоставлении дополнительных мер государственной поддержки семьям, имеющим детей: возможности законодателя и опыт правоприменительной практики / О. С. Кучеренко // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 69–84. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).69-84.
10. Баев О. Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория / О. Я. Баев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 2. – С. 336–349.
11. Даровских О. И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве: понятие и признаки / О. И. Даровских // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 43. – С. 23–27.
12. Камышникова И. В. Сущность и признаки злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве / И. В. Камышникова // Правовые проблемы укрепления государственности : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – Ч. 51. – С. 20–24.
13. Трубникова Т. В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства / Т. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 3 (17). – С. 65–78.
14. Зайков Д. Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах / Д. Е. Зайков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 9. – С. 48–53.
15. Казаков А. Применение норм о злоупотреблении правом в иностранном гражданском процессе / А. Казаков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 9. – С. 31–38.
16. Юдин А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском и уголовном судопроизводстве: межотраслевой анализ / А. В. Юдин // Lex Russica. – 2006. – № 5. – С. 976–987.
17. Волков А. В. Дробление бизнеса: правовые проблемы / А. В. Волков, О. Е. Блинков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 44. – С. 261–280. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-261-280.
18. Пономарева К. А. Дробление бизнеса: о соблюдении принципа определенности налогообложения в правоприменительной практике / К. А. Пономарева // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 41–48. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(2).41-48.

19. Пономарева К. А. Правовое регулирование борьбы со злоупотребительными налоговыми практиками в Европейском Союзе и Российской Федерации / К. А. Пономарева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 45. – С. 418–441. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-45-418-441.
20. Малиновский А. А. Злоупотребления избирательными правами: вопросы квалификации / А. А. Малиновский // Право и управление. XXI век. – 2008. – № 1. – С. 12–16.
21. Malaurie Ph. Antologie de la pensée juridique / Ph. Malaurie. – Paris, 2001. – 376 p.
22. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. : пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кетц. – М. : Международные отношения, 2000. – Т. 1 : Основы. – 480 с.
23. Rabel E. Grundzüge des Römischen Privatrechts / E. Rabel. – Basel, 1995. – 241 s.
24. Byers M. Abuse of rights: an old principle, a new age / M. Byers // McGill Law Journal. – 2002. – Vol. 47. – P. 389–434.
25. Жуков А. А. Проблемы противодействия злоупотреблению процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / А. А. Жуков // Бизнес в законе. – 2014. – № 2. – С. 222–229.
26. Василенко Е. В. Категории «добросовестность» и «разумность» в гражданском праве: вопросы соотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Василенко. – Краснодар, 2012. – 27 с.
27. Horn N. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch / N. Horn, J. von Staudingers. – Berlin, 1997. – 807 s.
28. Зайцева Н. В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей / Н. В. Зайцева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 49. – С. 476–501. – DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501.

REFERENCES

1. Agarkov M.M. The problem of abuse of law in Soviet civil law. *Izvestiya AN SSSR. Otdel ekonomiki i prava = News of the USSR Academy of Sciences. Department of Economics and Law*, 1946, no. 6, pp. 424–436. (In Russ.).
2. Volkov A.V. *Abuse of civil rights*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2010. 53 p. (In Russ.).
3. Gribanov V.P. *Exercise and protection of civil rights*. Moscow, Statut Publ., 2000. 411 p. (In Russ.).
4. Gribanov V.P. *Limits of the exercise and protection of civil rights*. Moscow, Moscow University Publ., 1972. 284 p. (In Russ.).
5. Radchenko S.D. *Abuse of law in Russian civil law*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2008. 29 p. (In Russ.).
6. Shershenevich G.F. *Civil Law Course*. Tula, Avtograf Publ., 2001. 719 p. (In Russ.).
7. Chegovadze L.A. Abuse of law as a form of civil offense. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2013, no. 2, pp. 8–11. (In Russ.).
8. Sharnina L.A. Abuse of constitutional rights and abuse of power: general and special. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2012, no. 12, pp. 9–15. (In Russ.).
9. Kucherenko O.S. Countering abuse in providing additional state support to families with children: the capabilities of the legislator and experience in law enforcement practice. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 69–84. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).69-84. (In Russ.).
10. Baev O.Ya. "Abuse of law" as a criminal procedure category. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of the Volgograd State University. Series Law*, 2013, no. 2, pp. 336–349. (In Russ.).
11. Darovskikh O.I. Law abuse in criminal proceedings: the motion and characteristics. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of the South Ural state University*, 2012, no. 2, pp. 23–27. (In Russ.).
12. Kamyshnikova I.V. Essence and signs of abuse of law in criminal proceedings, in: *Pravovye problemy ukrepleniya gosudarstvennosti*, pt. 51, Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, pp. 20–24. (In Russ.).
13. Trubnikova T.V. Abuse of law in criminal proceedings: criteria and limits of state intervention. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Herald of Tomsk State University. Law*, 2015, no. 3 (17), pp. 65–78. (In Russ.).
14. Zajkov D.E. Concept and content of abuse of procedural rights in arbitration and civil proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Proceedings*, 2014, no. 9, pp. 48–53. (In Russ.).

15. Kazakov A. Application of the rules on abuse of law in foreign civil proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Proceedings*, 2005, no. 9, pp. 31–38. (In Russ.).
16. Yudin A.V. Abuse of procedural rights in civil and criminal proceedings: intersectoral analysis. *Lex Russica*, 2006, no. 5, pp. 976–987. (In Russ.).
17. Volkov A.V., Blinkov O.E. Business fragmentation: legal problems. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Herald of Perm University. Legal Sciences*, 2019, iss. 44, pp. 261–280. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-261-280. (In Russ.).
18. Ponomareva K.A. Business splitting: compliance with the principle of tax certainty in law enforcement practice. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 41–48. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(2).41-48. (In Russ.).
19. Ponomareva K.A. Legal regulation of combating abusive tax practices in the European Union and the Russian Federation. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Herald of Perm University. Legal Sciences*, 2019, iss. 45, pp. 418–441. (In Russ.).
20. Malinovsky A.A. Abuse of electoral rights: questions of qualification. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Management. XXI century*, 2008, no. 1, pp. 12–16. (In Russ.).
21. Malaurie Ph. *Antology of legal thought*. Paris, 2001. 376 p. (In French).
22. Zweigert K., Kötz H. *Introduction to comparative law in the field of private law*, in 2 volumes. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. Vol. 1. 480 p. (In Russ.).
23. Rabel E. *Principles of Roman private law*. Basel, 1995. 241 p. (In German).
24. Byers M. Abuse of rights: an old principle, a new age. *McGill Law Journal*, 2002, vol. 47, pp. 389–434.
25. Zhukov A.A. Problems of countering abuse of procedural rights in civil proceedings. *Biznes v zakone = Business in law*, 2014, no. 2, pp. 222–229. (In Russ.).
26. Vasilenko E.V. *Categories "conscientiousness" and "reasonableness" in civil law: questions of correlation*, Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2012. 27 p. (In Russ.).
27. Horn N., von Staudingers J. *Commentary on the Civil Code*. Berlin, 1997. 807 p. (In German).
28. Zaitseva N.V. The principle of good faith and its impact on the qualification of legal relations. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Herald of Perm University. Legal Sciences*, 2020, iss. 49, pp. 476–501. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-476-501. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухова Надежда Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: Sukhova777@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0346-2713
SPIN-код РИНЦ: 7898-9107

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сухова Н.И. Злоупотребление правом как форма противодействия осуществлению закона в контексте современного научного дискурса и правоприменительной практики / Н.И. Сухова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 5–17. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).5-17.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nadezhda I. Sukhova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Law Theory
Saratov State Academy of Law
1, Vol'skaya ul., Saratov, 410056, Russia
E-mail: Sukhova777@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0346-2713
RSCI SPIN-code: 7898-9107

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sukhova N.I. Abuse of law as a form of opposition to the implementation of the law in the context of modern scientific discourse and law enforcement practice. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 5–17. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).5-17. (In Russ.).